

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ
ПЯТНО

Книги Павла Корнева
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**ПОВЯЗАННЫЙ КРОВЬЮ
МЕЖСЕЗОНЬЕ
ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД
ПЯТНО**

Цикл
«ПРИГРАНИЧЬЕ»

**ЛЕД
СКОЛЬЗКИЙ
ЧЕРНЫЕ СНЫ
ЧЕРНЫЙ ПОЛДЕНЬ
ЛЕДЯНАЯ ЦИТАДЕЛЬ**

Цикл
«ЭКЗОРЦИСТ»

**ПРОКЛЯТЫЙ МЕТАЛЛ
ЖНЕЦ**

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ПАВЕЛ КОРНЕВ

ПЯТНО

РОМАН

Москва, 2011
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

ГЛАВА 1

Нестерпимо хотелось курить. Просто нестерпимо.

Казалось бы, давно успел избавиться от пагубного пристрастия, но нет: стоило разнервничаться, и руки сами собой начинали шарить по карманам в поисках пачки сигарет.

А сигарет не было. Да и откуда им взяться? Когда целый день приходится бегать, лишь бы только на хлеб и воду заработать, уже не до излишеств.

Впрочем, прямо сейчас никуда бежать необходимости не было. Напротив, я преспокойно развалился на куске относительно чистого брезента и разглядывал окрестности с крыши семиэтажного жилого дома.

Блажь и дурь?

Как бы не так! Нет, сюда меня привела вовсе не возможность полюбоваться на город с высоты птичьего полета. Проспект с ржавыми нитками трамвайных путей, желто-зеленые пятна садов и маячившие на фоне темного неба высотки остались с другой стороны.

Я же разглядывал ничем не примечательную хрущевку. Точнее, почти ничем не примечательную: как ни крути, далеко не все крыши могут похвастаться наличием овальной, с абсолютно ровными краями дыры. Дыры, совершенно точно не предусмотренной строительным проектом, а оставленной неким шарообразным предметом, который на огромной скорости рухнул с неба и, пробив бетонные перекрытия, провалился вниз. И ко всему прочему, после этого еще и не взорвался.

И вот это уже было интересно. Весьма и весьма.

Старательно сдерживая нахлынувшую вдруг суетливость, я отложил бинокль и отошел на другую сторону крыши.

Еще не так давно жители выстроенного на возвышенности дома могли прямо из своих квартир любоваться праздничными фейерверками, но потом город накрыл совсем другой огонь. Не столь красивый и куда более разрушительный. Так вот и вышло, что теперь открывавшийся с крыши вид больше не мог вызвать ничего, кроме желания в срочном порядке забиться в какую-нибудь нору поглубже и потемней.

Полуразваленные остовы офисных высоток и закопченные, все в брешах, стены жилых домов. Кузова сожженных легковушек и пятнистые борта подбитой военной техники. Уже начавшие захватывать новое жизненное пространство заросли кустарника и узкая полоса реки, лениво перебиравшейся через обломки взорванных мостов. Темные улицы, давно лишённые привычного света фонарей, блеска витрин и пронзительных лучей автомобильных фар. А еще — вечно затянутое серыми облаками небо.

Был город и не стало.

Умер.

Превратился в призрак самого себя.

В пятно ChEK13.

Хотите жить в месте, где за вашу жизнь никто не даст и ломаного гроша, а люди мрут как мухи не столько из-за отсутствия элементарного медицинского обслуживания, сколько на практике доказывая постулат, что человек человеку волк?

Нет, действительно хотите? Тогда вам сюда.

Я б давно сдернул. Просто некуда.

Разве что в Сибирь. Там, говорят, хорошо.

Вот только до Сибири мне как раз и не добраться. Мигом забраслетят и в фильтрационный лагерь отправят. Это в «пятнах» анархия процветает, а в остальном мире перемены полным ходом идут. Когда-нибудь, конечно, и за нас федералы возьмутся, но пока они здесь гости несчастные. И пока — именно гости.

Аккуратно развязав затянутый на узел полиэтиленовый мешочек, я достал из него сухарь и, отломив половину, сунул остатки обратно. Не чувствуя вкуса, прожевал и запил

парой глотков воды. Затем оценивающе встряхнул в руке алюминиевую солдатскую флягу и поморщился: до конца дня точно не хватит.

Плохо. Как-то не рассчитал сегодня.

В последний раз огляделся по сторонам и невольно поежился, задержав взгляд на затянувшей небо плотной пелене облаков. Пусть на город сверху больше и не сыпалась смерть, местные обитатели приобрели стойкую неприязнь к открытым пространствам вообще, и крышам домов в частности. Не заставь нужда, и сам бы сюда ни за какие коврики не полез.

Невесело усмехнувшись, я хрустнул костяшками пальцев и вернулся к оставленному на брезенте биноклю. Сунул его в рюкзак, потом шагнул к краю крыши и на всякий случай посмотрел вниз.

Вот гадство!

На газоне между домами не росло ни травинки.

И, как назло, полоса мертвой земли тянулась вдоль всего дома! Будто там нарочно какую-то химическую гадость расплескали. И, скорее всего, эта самая химическая гадость была на редкость ядовитой. Ботинки на толстой подошве меня, конечно, защитят, но отмыть их потом уже точно не получится. Придется выкинуть от греха подальше — а кому это надо?

И через парадную дверь в подъезд тоже не попасть: в подземной парковке, выстроенной во дворах кирпичной «элитки», по слухам, обреталась какая-то очень уж мутная компания. Не раз приходилось слышать, что одиночке с ними лучше не пересекаться. Мясо нынче дорогое и все такое прочее...

Я вновь посмотрел на темные, с проседью, облака и беззвучно выругался. Если зарядит дождь, зависну тут надолго. А значит, стоит поторопиться.

Подхватив рюкзак, я спустился на первый этаж и выпрыгнул из окна на асфальт. Подошел к прочертившей газон черной полосе мертвой земли и задумался: сколько тут, метра два-три? Точно не больше.

Решив, что преодолеть это препятствие труда не составит, я выудил из рюкзака три железных крюка и моток ве-

ревки, в один миг соорудил «кошку» и начал раскручивать ее, примериваясь для броска. Как ни странно, крючья с первого же раза угодили в окно на третьем этаже. И не просто угодили, но и зацепились за подоконник.

Теперь главное, чтобы он мой вес выдержал. Если монтажники схалтурили, запросто оторваться может. Ну да шестьдесят килограммов — невелика нагрузка...

Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

Натянув тонкие кожаные перчатки, я закинул рюкзачок за спину, вцепился в веревку и подпрыгнул. Полусогнутыми ногами спружинил о стену дома, подтянулся и встал на подоконник. Но внутрь проходить не стал — вместо этого, перебирая руками узлы веревки и отталкиваясь подошвами от стен, как заправский скалолаз, полез дальше. Перевел дух на втором этаже, вскарабкался чуть-чуть повыше и, ухватившись за раму с выбитым стеклопакетом, забрался в дом.

Как-то нет у меня желания по нижним этажам разгуливать, если тут отравляющие вещества расплескались. Лучше уж оглядеться для начала.

Кстати, насчет «оглядеться»: а вот и дыра в потолке. Это я удачно зашел. Но, поскольку и в полу аналогичное отверстие имеется, мне как минимум этажом ниже. Если не двумя.

Опустившись на колени, я заглянул в дыру, ничего в потемках разглядеть не смог и на всякий случай потянул носом воздух. Да нет, никакими химикатами не пахнет. Уже хорошо.

Оставив кошку валяться на подоконнике, я вышел на лестничную площадку и надолго замер на месте, прислушиваясь к тишине. И вновь все спокойно. Тихо, аж в ушах звенит.

Ну да оно и неудивительно: мертвый город — тихий город. Разве что ветер в развалинах свистит да дождь на уцелевших карнизах барабанную дробь выбивает.

А в остальном — тишина.

И тишина — это хорошо. Потому как любой звук в первую очередь означает опасность. Железное правило: услы-

шал непонятный шум, уноси ноги. Ну или иди разбирайся, если себе это позволить можешь.

Я предпочитал не рисковать.

Но в доме было тихо. Да и внешне подъезд ничем особенным от сотен себе подобных не отличался. Выломанные и распахнутые настежь двери квартир, копоть на стенах, выброшенная мародерами за ненадобностью мелочевка на ступеньках. Все как везде, но тем не менее щелкать клювом не стоило. Чревато оно.

Медленно спустившись на второй этаж, я настороженно замер у нужной квартиры и вновь принял себя.

Показалось или действительно мокрой псиной тянет?

Оставшиеся без кормильцев собаки, конечно, не боевые отравляющие вещества, но тоже ничего хорошего. На всякий случай обнажив кинжал, изготовленный из обрезка самодельной шашки, я осторожно переступил через вывороченную наружу дверь и сразу позабыл про непонятную вонь: из квартиры явственно повеяло теплым воздухом.

Вот уж не было печали!

Но гарью при этом не пахло, а значит, дело точно не в обустроивших тут себе лежбище бродягах. К тому же ни одного целого окна в доме не осталось, и какой тогда смысл лицу греть? Скорее уж это неразорвавшаяся бомба своеобразным калорифером выступает. Как бы она не сдетонировала, пока курочить буду...

Но идти на попятную было уже поздно, и, покрепче стиснув рукоять кинжала, я заставил себя шагнуть в квартиру. Даже если тут бродяги обретаются — отобьюсь. Пусть клинок использовался в основном для подламывания замоченных ящиков и разрезания пластиковых коробов, но и по своему прямому назначению он сгодиться вполне мог. Было бы желание.

Было бы — да. Как раз этого самого желания и не было. Но какие варианты? И собак, и бродяг шугануть можно, а с голодом и жаждой такой номер не пройдет.

Облизнув пересохшие губы, я прошел через коридор и замер, не решаясь заглянуть в зал. Потом взял себя в руки и, стараясь не шуметь, проскользнул в комнату.

Есть!

Как я и надеялся, проломивший несколько перекрытий объект завершил свое падение именно здесь. И что было совсем уж замечательно — он не только не разлетелся при этом вдребезги, но даже и не деформировался толком.

Это я удачно завернул: большинство неразорвавшихся бомб, к которым с чьей-то легкой руки приклеилось прозвище «карапуз», в нашей округе нашли и раскурочили давным-давно. А тут вон лежит — меня дожидается.

Присев на корточки рядом с достигавшим сантиметров сорока в диаметре шаром, я прикоснулся к нему и досадливо поморщился: исцарапанный металл оказался куда теплей, чем ему полагалось быть. И полбеды, если дело в пострадавшей при падении энергоячейке; если же сбой вызван поломкой блока управления, придется уйти отсюда несолоно хлебавши.

Плохо. Ну да надо сначала глянуть, что там и как.

Проведя пальцами по боку «карапуза», я легко нашел нужную выемку, вставил в нее острие клинка и всем своим весом навалился на рукоять кинжала. Что-то хрустнуло, погнутая стальная пластина отошла в сторону, открыв отверстие, в которое при желании вполне можно было просунуть руку.

При желании? Нет, скорее — при необходимости...

Нашупав внутри нужный рычаг, я взялся за него и осторожно потянул на себя, сдвигая в сторону лючок, перекрывавший доступ к внутренностям бомбы. Потом посветил зажигалкой и с облегчением перевел дух: на первый взгляд начинка бомбы при падении особо не пострадала.

Вытащив один из контейнеров с поражающими элементами и поставив его на пол, я ухватился за слегка замятую пластиковую шторку, защищавшую от пыли электронные потроха «карапуза», и отодвинул ее в сторону. Потом дотянулся до прямоугольной платы блока управления и, обрывая провода, выдернул пластину из креплений.

Усеянный мелкими кристаллами пластиковый прямоугольник с непонятными надписями на обратной стороне напоминал обычную электронную плату, отштампованную где-нибудь в Китае, но стоил несравненно дороже. И, поскольку внешне блок поврежденным не выглядел, проб-

лем с его реализацией возникнуть было не должно. Есть заинтересованный человек на примете.

День, в общем, удался.

Плата отправилась в специально припасенный на этот случай полиэтиленовый пакетик, и тут за спиной раздался цокот когтей. Крутнувшись на месте, я инстинктивно выкинул перед собой открытую ладонь и повалился на спину, лишь чудом сумев удержать оскалившуюся псину на расстоянии вытянутой руки.

Не решаясь ни на минуту ослабить хватку, левой рукой сорвал с пояса складной нож и, надавив пальцами на плавники, со щелчком разложил четырехдюймовый клинок. Поудобней перехватил рукоять и, кое-как замахнувшись, воткнул в дворнягу на совесть заточенный «ти-лайт». Взвизгнувшая от боли шавка рванулась прочь и, поскальзывая когтями по ламинату, скрылась в коридоре.

Я хрипло выругался, поднялся на ноги и обрывком занавески вытер складной нож. Потом помотал головой, понемногу приходя в себя после внезапного нападения, и убрал кинжал в ножны.

Так, вроде ничего больше не забыл...

Подхватив валявшийся на полу рюкзак, я выскочил в подъезд и уже начал спускаться по лестнице, когда вспомнил про забытую «кошку» и метнулся на третий этаж. Схватил лежавшее на подоконнике снаряжение и вновь поспешил вниз.

Немного поколебался на первом этаже и, не решившись покинуть подъезд через парадную дверь, прошел в первую попавшуюся квартиру. Там царил полнейший бедлам и всюду валялись вываленные из ящиков шкафов вещи, но сейчас меня интересовала лишь оставленная жильцами мебель. Окинув взглядом весь этот погром, я остановил свой выбор на журнальном столике и выволок его на балкон. Поднатужившись, скинул на идущую вдоль стены дома полосу бетонной заливки и сам выпрыгнул следом. Остальное было делом техники — оставалось лишь передвинуть выдержавший падение с первого этажа столик на газон и уже с него одним прыжком сигануть через отравленную землю.

Все, пора валить отсюда, а то как бы чего не вышло.

Обидно будет с таким товаром на руках в какую-нибудь историю влипнуть. Как-никак в рюкзаке месяц нормальной — ну, почти нормальной — жизни припрятан. А это совсем немало, у нас теперь каждый день на вес золота...

Выйдя со двора, я немного постоял на парковке, но не заметил ничего подозрительного и спустился к проспекту. Там на всякий случай еще раз огляделся по сторонам — налево, направо — и метнулся через проезжую часть. Протиснувшись меж двух легковых автомобилей, брошенных у трамвайной остановки, сбежал по выщербленной лестнице к ограде Больницы скорой помощи и свернул к общагам.

Можно, конечно, напрямик срезать, да только ну его к лешему. Лучше уж крюк сделать, чем по костям идти да через обломки взорванного корпуса перебираться.

Я посмотрел на закопченные развалины и невольно поежился: точное количество погибших после прямого попадания ракеты в переполненную больницу установить так и не удалось. Да что там установить! Трупы не только сосчитать, их и закопать никто не удосужился: сначала у властей руки не доходили, теперь и вовсе никому до этого дела нет. Мертвецы есть-пить не просят, вот и валяются до сих пор под открытым небом. Живым не до них, живым самим бы копыта не откинуть.

Маячившие за оградой пустые коробки корпусов с темными провалами вывороченных окон и державшимися лишь за счет арматуры бетонными блоками действовали на нервы, и я невольно ускорил шаг.

Но в принципе так и так пошевеливаться надо. Еще не хватало под дождь попасть. Суставы так и крутит, да и облака сегодня темнее обычного.

Я настороженно глянул в небо и немного успокоился: непроницаемую пелену пронизывали седые полосы, а значит, ливня пока можно было не опасаться. Если только к вечеру зарядит...

Тут сооруженный из железных прутков забор Больницы закончился, я свернул за угол и оглядел уходившую под горку дорогу, немного дальше перегороженную десятком сожженных легковушек. А чтобы ни у кого не возникло ис-

кушения проехать по тротуару, с обеих сторон от баррикады замерли подорванные бронетранспортеры. Оно и правильно — нечего тут на машинах разъезжать. В силу дефицита бензина и солярки на машинах у нас лишь крайне ограниченный контингент катается, и этим товарищам тут откровенно не рады.

На первый взгляд все было как обычно, и, немного успокоившись, я перебежал на другую сторону дороги. Но во дворы общаг заходить не стал и зашагал под горку, стараясь держаться поближе к замершим на обочине раскуроченным автомобилям.

В принципе, ближайšie дома от бомбардировок почти не пострадали, и риск заполучить на голову рухнувший с верхних этажей бетонный блок был не столь уж велик, но мало ли на кого во дворах нарваться доведется? Пусть откровенным беспределщикам тут ловить нечего, да только в нынешние времена одиночке по подворотням шляться не резон.

Раз пронесет, два, а дальше? Последнее дело на авось полагаться. Все эти удачливые да фартовые давным-давно сгнули. Как ни крути, мозги и инстинкт самосохранения никакая удача не заменит. Хотя без нее тоже никак.

Так что лучше по дороге пойду. Слева меня брошенные машины прикрывают, справа в зарослях кустов завсегда укрыться можно. И засады опасаться не приходится: место не самое проходное. Люди в основном центральных улиц держаться стараются.

Миновав пару домов, я срезал напрямик через спортивную площадку и уже на углу общаги столкнулся со знакомым парнишкой, который откровенно скучал, подпирая плечом девятиэтажку.

— Спокойно все? — уточнил парень и, отпустив болтаться на ремне АК-74, одернул заправленные в носки спортивные штаны.

— На проспекте тишина. — Я остановился в паре шагов от караульного и уточнил: — А чего?

— Круглый вроде автомобильный шум слышал.

— Он к Старику пошел? — поморщился я. — Давно?

— С полчаса назад.

— Ладно, побегу.

— Давай...

Я кивнул на прощанье караульному и поспешил к сложенному из красного кирпича двухэтажному дому, в подвале которого раньше располагался «Грот» — кабак, впоследствии и давший название всему зданию.

Питейное заведение в свое время по понятным причинам приказало долго жить, и теперь там обретался скупщик всего и всяя Сергей Данилович Старинов по прозвищу Старик.

Ну а поскольку конкурентов у него в ближайшей округе не имелось, именно в «Грот» со всего района и тянулись рыскавшие по брошенным домам помоечники. Одни, торопясь сдать найденное барахло, другие — в надежде занять под грабительский процент пару банок тушенки, десяток патронов или, на худой конец, несколько литров воды. Золото и водку — еще две имевшие хождение в «пятне» валюты — Старик в долг не давал, справедливо полагая, что возврата ссуды в этом случае он может и не дожждаться. Да и патроны выделял только под верное дело.

Задворками обогнув изрядно обветшалое кирпичное здание, я по ведущей в подвал лестнице спустился к массивной железной двери и несколько раз стукнул по ней кулаком. С минуту ничего не происходило, и у меня уже возникло опасение, что охранники просто решили не пускать некстати заявившегося посетителя, но тут наконец лязгнул замок.

Я с натугой распахнул тяжеленную дверь и прошел в небольшой закуток, отгороженный от холла сваренной из толстенных железных прутьев решеткой. Не то чтобы Старик так уж сильно опасался налета, но и собственной безопасностью он не пренебрегал.

— Привет, Володь, — зевнул командовавший сучавшими в холле мордоротами Жора Суворов — плотного сложения седой парень с покрытым оспинами лицом и мощной фигурой профессионального хоккеиста. — Чего пришел?

— Дело у меня к Сергею Даниловичу, вот и пришел.

Стариком Старик, даже за глаза, был, разумеется, далеко не для всех и не всегда.

— Не пустой, надеюсь?

— Не пустой, — подтвердил я, но о своей находке распространяться не стал.

— Колюще-режущее выкладывай, — кивнул на лоток Жора и поправил свисавший с плеча автомат. — Шурик, доложи.

Бритый налысо паренек в спортивном костюме снял трубку висевшего на стене телефона, три раза крутнул диск и прикрыл динамик ладонью:

— Сергей Данилович, к вам Кузьменко пришел, помните такого? Принять просит. А? Нет, говорит, принес что-то. Да, хорошо.

— Ну? — уточнил Суворов, дождавшись, когда трубка опустится на рычажки телефона.

— Говорит, можно запускать.

— Кто бы сомневался, — усмехнулся я и начал выкладывать в лоток висевшее на поясе оружие: переделанную в кинжал шашку, складень и самодельный нож с вырезанным из металлостекла клинком сантиметров двадцать длиной.

— Все? — отпирая решетку, уточнил Шурик.

— Все.

— Пусть рюкзак откроет, — лениво посоветовал крепыш, сидевший в глубоком кресле в обнимку с РПК-74М.

— Больше, Макс, ничего тебе открыть не надо? — огрызнулся я.

— Проходи в приемную, — подтолкнул меня к дальней двери Суворов.

— А вдруг у него там ствол? — зевнул Макс.

— Да откуда у помоечника ствол? — усмехнулся Шурик. — Давно бы нам и сдал.

— Нет, ну а вдруг...

— Заглохни, — оборвал подчиненного Жора и повернулся ко мне: — Чего встал, иди уже!

Я только хмыкнул и подошел к приоткрытой двери приемной. Заглянул внутрь и, пару раз стукнув костяшками пальцев по косяку, поинтересовался у сидевшей в небольшой

комнатушке секретарши, пытавшейся накрасить ногти в неярком свете помаргивавшей под потолком лампочки:

— Можно?

— Вас ждут, проходите, — даже не глянула в мою сторону симпатичная деваха, назначенная Стариком на эту должность, как трепались парни, вовсе даже не за большую грудь, а за умение варить кофе.

Ждут — это хорошо. Могли и промариновать пару часов в приемной для начала. А то бы и вовсе подальше послали. Впрочем, если блок управления сгоревшим окажется, все еще впереди. В этом случае пошлют непременно. Старик терпеть не может, когда его время впустую какие-нибудь неудачники тратят.

Рабочий кабинет господина Старинова оказался освещен куда лучше холла и приемной. Оно и неудивительно: изучать принесенные на продажу вещи и вести долговые реестры лучше при полной иллюминации, а не впотьмах. Глаза, как ни крути, не казенные.

— Чего притащил? — без особого энтузиазма спросил Сергей Данилович и выключил стоявшую от него по правую руку настольную лампу. Принять меня скупщик согласился явно лишь из желания заполнить образовавшееся в рабочем расписании «окно», о чем и не преминул намекнуть: — Надеюсь, не ерунду какую-нибудь, как в прошлый раз?

— Есть блок управления «карапуза». Интересует?

— Битый? — поморщился Сергей Данилович, на обрюзгшем, морщинистом лице которого явственно отразилось разочарование из-за впустую потраченного времени.

— Почему битый? — решил я пойти ва-банк. — Рабочий.

— Присаживайся, — заинтересовался сменивший гнев на милость Старик и задумчиво потер мясистую переносицу.

«Присаживайся» — это хорошо. Значит, товар оценки требует.

Я уселся на придвинутую к забитому папками шкафу кушетку и поставил себе на колени рюкзак с товаром.

Тем временем Старинов перелистнул страницу лежав-

шего на столе ежедневника и, оторвавшись от рабочих записей, перевел взгляд на дежурившего в кабинете охранника:

— Андрюша, кто из технарей сейчас на месте?

— Зайцев, — подсказал шефу короткостриженный парень в спортивных штанах и кожаной куртке, из-под которой выглядывал легкий бронежилет. — Пригласить?

— Именно, Андрюша, именно, — кивнул скупщик. — Только попроси Аллочку его найти, сам не убегай.

Телохранитель закинул на плечо ремень «Кедра» и пошел к входной двери. Приоткрыл ее и, краем глаза удерживая меня в поле зрения, распорядился:

— Зайцева к шефу. Быстро.

Я на столь пристальное внимание к своей персоне никак не отреагировал и спокойно откинулся спиной на стену. Затем демонстративно зевнул и начал прикидывать, что же именно умудрился натворить хозяин кабинета, если до сих пор не рискнул выбраться из «пятна». Слухи на этот счет ходили самые разнообразные, но и только — доподлинно никто ни в чем уверен не был. А некоторые неплохо информированные товарищи так и вовсе на полном серьезе утверждали, будто господин Старинов чист, как стеклышко. По местным меркам, разумеется, но и это дорогого стоило. По крайней мере, откупиться от фильтрационного лагеря в его случае не составило бы никакого труда. Были бы деньги. А у Старика деньги водились, не разорился бы на взятках. И на переезд куда-нибудь в Сибирь или Канаду, а то и вовсе на острова осталось бы, и на обустройство на новом месте хватало.

Выходит, либо все же припрятан у Старика скелет в шкафу, либо слишком власть любит. Ну да — здесь он далеко не последний человек, а там...

Будто почувствовав мой взгляд, Сергей Данилович оторвался от бумаг и буркнул:

— Ты откуда сейчас?

— С проспекта, — не стал скрывать я.

— Комсомольского?

— Победы. А что?

— Круглый... Ты ведь знаешь Круглого? — Старик до-

ждался моего утвердительного кивка и продолжил: — Так вот, Круглый минут двадцать назад заходил, вроде он шум машин на Комсомольском слышал. Ты как, не заметил ничего необычного?

Я на миг задумался, потом покачал головой:

— Нет, все тихо было. Думаете, звери пожаловали?

— Мимо парней с Чайковского никто не проезжал, а Свердловский перекрыт должен быть, — пожал плечами телохранитель скупщика. — Да Круглый и насвистеть мог...

— Ты уже говорил, — поморщился Старинов, и охранник поспешил замолчать.

Я хоть столь нелицеприятное мнение о Круглом и разделял, но лишний раз привлекать к себе внимание не стал и принялся разглядывать рабочий кабинет скупщика.

Точнее — нору.

Ни одного окна; вдоль стен закрытые шкафы; за спиной Старика дверь, ведущая куда-то в глубь «Грота». И никакой роскоши, исключительно рабочая обстановка.

— Вызывали, Сергей Данилович? — поинтересовался заглянувший пару минут спустя в дверь высокий вихрастый паренек, выполнявший при скупщике роль своеобразного эксперта.

— Заходи, — разрешил Старик и указал на меня. — Мальчик утверждает, что у него рабочий блок «карапуза» имеется. Посмотри, Сережа, пожалуйста.

— Прямо рабочий? — засомневался Зайцев. — Битый, поди, как обычно.

— Этот рабочий. — Я вытащил из рюкзака убранный в пластиковый пакетик плату и протянул парню. — Поаккуратней только. Сам не спали.

— Сейчас глянем.

Сергей, не спрашивая разрешения, включил настольную лампу и принялся изучать кристаллы через стекло вытасченной из нагрудного кармана рубашки лупы. Этого ему показалось недостаточно, и следом в ход пошел прибор, весьма походивший на обычный амперметр.

— Ты не мог бы заняться этим где-нибудь в другом месте? — раздраженно предложил Старик, шурясь из-за светившей прямо в лицо лампы.

— Разумеется, Сергей Данилович, разумеется, — закивал Зайцев, убирая свой прибор обратно в сумочку на поясе. — Мне понадобится еще минут десять, чтобы окончательно убедиться...

— В чем именно убедиться?

— Блок, судя по состоянию кристаллов, с большой степенью вероятности действительно рабочий. По крайней мере, типовых неисправностей я не увидел. Но надо его еще через стандартные тесты прогнать...

— Иди проверяй, — отпустил парня хозяин кабинета.

— Мне в приемной подождать? — поднялся я с кушетки.

— Сиди, — остановил меня скупщик. — Где блоком разжился?

— Да тут недалеко, — ответил я и усмехнулся, прекрасно понимая, к чему эти расспросы. — Только там больше ничего интересного не осталось. Энергоячейка битая, а поражающие элементы на себе тащить — только грыжу зарабатывать.

— И как же ты определил, что энергоячейка битая? — прищурился Сергей Данилович, резонно подозревая, что его водят за нос.

— Да горячая она была просто. Верный признак утечки энергии, — пояснил я и вздохнул: — И потом, кому еще мне ее сдавать, кроме вас?

— Тоже верно, — кивнул Старик. — Точно больше ничего интересного не было? За исключением «карапуза», я имею в виду?

— Нет. Совершенно случайно на неразорвавшуюся бомбу наткнулся.

— Ладно, подождем, что Сережа скажет. — И скупщик вновь начал разбирать бумаги, но на лбу у него залегла глубокая морщина.

— Подождем, — пробормотал я себе под нос, едва сдерживая нервную дрожь.

А ну как дефект отыщется? Трещина в каком-нибудь кристалле или еще что-нибудь в этом роде? Не хотелось бы. Очень серьезно в этом случае по деньгам подвинуться придется. Разве что на хлеб и воду заработаю.

Да и сам Сережа мне подгадить может. Скажет: «блок

дефектный» — и что делать? Забирать и кому-нибудь другому пристроить пытаться?

Не хотелось бы. И товар шибко специфический, и попробуй еще нужную вещь на него выменяй. У нас тут бартер, мать его. Скупщики за счет этого и держатся — у них на складах много чего заначено. Опять-таки никто подходящий на ум не приходит. Нет у Старика прямых конкурентов в окрестностях. Да и выкупает он подобные штуки на очень неплохих условиях обычно...

Почувствовав, что начинаю сам себя накручивать, я зажал сцепленные руки меж коленей и вновь откинулся спиной на стену.

Все будет хорошо, все будет хорошо.

Ну, все не все, а блок точно рабочим окажется. В крайнем случае, не окончательно убитым. Если за полцены сдать случится, уже неплохо. Да что там неплохо! Замечательно просто.

Зайцев вернулся, когда я сидел уже как на иголках. И что сразу бросилось в глаза — блок управления он принес убранным в «пупырчатый» полиэтиленовый пакет, заклеенный скотчем.

Меня от такого зрелища аж отпустило сразу. Не стал бы Сережа так из-за куска горелой пластмассы суетиться, ох не стал бы.

— Ну и чего? — скривился явно раздосадованный самодеятельностью помощника Сергей Данилович. Ну да, теперь у меня хоть какая-то возможность для торга появилась. Больше теоретическая, конечно, но, по крайней мере, не в роли просителя выступать буду.

— Товар — высший сорт, — будто не заметив гримасы шефа, отрапортовал Зайцев.

— В смысле? — не на шутку удивился скупщик.

— Блок рабочий на все сто. Кристаллы не повреждены, ячейки памяти тоже. Хоть сейчас ставь в «карапуз» и запускай.

— Уверен? — не разделил оптимизма паренька Сергей Данилович. — Сам сможешь защиту взломать?

— Ну... — даже растерялся Зайцев. — У меня оборудования нужного нет, но по обычным каналам...

— Свободен, — отпустил помощника скупщик и, глянув на меня, недобро прищурился. — А что же ты мне, Володя, лапшу на уши вешал?

— В смысле? — напрягся я, краем глаза заметив, как шагнул к двери заложивший руки за спину охранник.

— Обнуляется ячейка памяти при длительном воздействии отрицательных температур. Широко известный факт, с этим не поспоришь. А значит, блок ты взял вовсе не из неразорвавшейся бомбы. Флаер сбитый нашел или захоронку чью?

— Так говорю же: энергоячейка там грелась. Чуть пальцы не обжег, когда блок доставал! Вот и не перемерз модуль памяти!

— Да? — задумался Старик. — И, правда, ты что-то такое говорил...

— Ну вот! — Я с облегчением перевел дух и облизнул пересохшие губы.

— И где же тебе так подфартило?

— Пятиэтажка напротив Больницы скорой помощи. Там рядышком еще новый дом воткнули.

Смысла скрывать эту информацию не было никакого. Стоимость оставшихся в бомбе поражающих элементов не шла ни в какое сравнение с ценой блока управления. Ради такой мелочовки Старик никого из своих парней даже гонять не станет. Если только мои слова проверить решит, но это вряд ли.

— Ладно, — кивнул Сергей Данилович и похлопал по пакетику с платой. — Ты цены знаешь, торговаться не будем. Федьками возьмешь?

— Не возьму, Сергей Данилович, — отказался я. И куда мне, спрашивается, эти федеральные ассигнации девать потом? Прогорю вчистую.

— Пять тысяч дам.

— Мне б харчами лучше.

— Ну как знаешь. — Старик задумался, явно не желая переплачивать, а потом вдруг предложил: — Может, «сахаром» возьмешь? Мне тут отдали за долги партию. И выкинуть жалко, и дурью торговать принципы не позволяют.

— Сколько? — вновь облизнул я губы, едва не подскочив на месте.

— Да хоть коробок. Не жалко. Не думай, кристаллы чистые, для себя человек держал.

— Беру, — не раздумывая, согласился я.

Коробок «сахара» легко и шесть тысяч федьками потянет. А за чистые кристаллы дилер и все семь с половиной зарядить может. И пусть остаюсь без харчей, ерунда. Коробка месяцев на пять точно хватит. Одной головной болью меньше.

— Иди на склад, — отпустил меня Сергей Данилович. — Сейчас распоряжусь.

— Спасибо, — поблагодарил я скупщика, подхватил с пола рюкзак и выскочил в приемную.

Коробок «сахара»!

Нет, ну надо же! Целый коробок! Чистого!

В радостном предвкушении я вышел из приемной в холл и, отмахнувшись от уже собиравшегося выставить меня на улицу Суворова, заскочил на склад. Точнее, небольшой тамбур, перегороженный бронированной дверью, в маленьком окошке которой, как обычно, маячила вечно небритая физиономия кладовщика.

— Ты, что ли, Кузьменко? — уточнил явно маявшийся с похмелья бугай.

— Он самый.

— Держи. — И кладовщик протянул мне обычный спичечный коробок.

Я немедленно открыл его и принялся изучать содержимое. Крупные, отливавшие синевой кристаллы и в самом деле оказались не перемолоты; и пусть из-за этого объем был заполнен едва ли на две трети, зато и сомневаться в качестве товара не приходилось. Нет, сразу видно — «сахар» чистейший.

— Порядок? — заглянул мне через плечо ввалившийся на склад Сергей Зайцев.

— Порядок. — Я закрыл коробок и сунул его в карман.

— Смотри, если еще что-нибудь подобное найдешь, рады будем видеть, — вальяжно улыбнулся помощник

скупщика и протиснулся к окошку. — Валерьяныч, открой. Дело есть.

— Обязательно, — кивнул я и вышел со склада.

— Забирай свое барахло и вали отсюда, — тут же поторопил меня сучавший в холле Макс.

Суворов куда-то запропал и, не став нарываться на неприятности, я быстро рассовал по карманам колюще-режущее и прошел за решетку. Поднялся по крутой лестнице на улицу и лишь тогда позволил себе расплыться в довольной улыбке.

Прокатило! Нет, ну надо же — прокатило!

Коробок «сахара», блин! Целый коробок!

Вот это повезло!

Закинув за спину рюкзак, я огляделся по сторонам и прислушался к давно уже ставшей привычной тишине мертвого города. Потом решил не светиться лишний раз у дороги и зашагал в обход «Грота».

А то мало ли... Вот и машины на проспекте...

Додумать эту мысль я не успел. Только свернул за угол — и сразу наткнулся на трех поджидавших там невесть кого парней в грязных спортивных костюмах.

Невесть кого? Или конкретно меня?!

— Ба! Какие люди! — расплылся в щербатой улыбке Круглый — вертлявый и худой как щепка парень лет двадцати пяти. — Кузьма, сколько лет, сколько зим!

А вот я встрече с ним несколько не обрадовался. Круглый мало того что наркоман конченный, так еще и на всю голову больной. И корешей подобрал себе под стать. А одному от троих отбиться просто нереально. Они ж тоже не пустые, у всех и ножи, и дубинки.

Черт! Еще и четвертый со спины подвалил. Теперь не убежать...

— Чего хотел? — буркнул я, пытаясь скрыть охватившее меня беспокойство.

Приятельские отношения нас с этим отморозком никогда не связывали, но и на ножах мы вроде не были. Так какого лешего ему надо?

Только не сейчас. Блин, только не сейчас!

— Я не хотел, я хочу, — лениво сплюнул себе под ноги Круглый. — Ты вроде поднялся резко? Делиться надо.

— Да пошел ты! — Я шагнул к дому, так чтобы спину прикрыла стена, и положил ладонь на рукоять кинжала. И хоть поджилки так и дрожали, но выказывать страх сейчас было никак нельзя. Эти шакалы только того и ждут.

— Зря... — Круглый облизнул губы и кивнул подельникам; те медленно двинулись ко мне, но пускать в ход дубинки пока не стали. — Давай сюда «сахар» и вали себе спокойно дальше.

— С чего бы это?

— Так и так заберем, — пробасил один из быков.

— Именно, — подтвердил Круглый. — Хочешь огрести?

— Кого-нибудь точно положу, — оскалился я и обнажил кинжал. — Рискнете?

— Да ну? — рассмеялся парень с метровым обрезком трубы. — Уверен?

— Стопудово.

Вот только уверенности в своих словах я вовсе не испытывал. Кинутся всем скопом — и мне хана. Даже если прорвусь и убегу, несколько ударов точно пропущу. А с медицинским обслуживанием у нас полный швах. Сломают что-нибудь, пусть даже и не особо жизненно важное, и сдохну от голода.

И что мне теперь, как тому гепарду, проще гиенам добычу отдать, чем в схватку ввязаться? «Сахар» безумно жалко, но варианты, какие варианты?

Да и Круглый как-то очень уж гаденько улыбается, а этот подонок не стал бы так борзеть, не припрячь в рукаве козырного туза.

— Точно? — оскалился он и с довольным видом приподнял край мастерки.

Торчащая из-за пояса пистолетная рукоять, надо сказать, оптимизма мне вовсе не добавила. Не факт, конечно, что ПМ заряжен, но — вдруг? Да и без ствола шансы отбиться невелики...

— Давай резче, — протянул руку заметивший мои колебания Круглый. — Не тяни, а то пробью...

Я молча достал из кармана коробок и швырнул его ближайшему пареньку в белой адидасовской мастерке.

— Хороший мальчик, — издевательски заржал тот и передал добычу главарю. — Оно?

— Да! Валим отсюда.

И моментально потерявшие ко мне всякий интерес парни рванули во двор соседней девятиэтажки. Я спрятал кинжал в ножны и, прислонившись к стене, вытер покрывшееся испариной лицо.

Вот ведь встрял...

И поступил вроде правильно, но паскудно на душе — слов нет как. Да, цел остался, но разве легче от этого?

Гадство, гадство, гадство!

Ладно, земля, как доподлинно известно, круглая. Сохтемся еще...

— Ты чего здесь стоишь? — удивился Суворов, вывернувшийся из-за угла дома минут через пять.

— Да так, — пытаюсь унять нервную дрожь, отлип я от стены.

— С Круглым, что ли, поцапался? — прищурился Жора.

— Типа того.

— Давно бы уже к нам устроился...

— Хорош, — поморщился я.

— Ну, хорош так хорош, — не стал лезть в душу Суворов. — Стас как?

— Все так же. Зашел бы, сам проведал.

— Время есть? — Жора потер покрытую оспинами щеку и предложил: — А то смотри, можно по чуть-чуть накачать...

— Я на нулях...

— Не проблема. У меня так и так к тебе разговор имеется.

— Да? — удивился я. — Что такое?

— Пошли в «овощной», там и перетрем.

— Ну, пошли тогда. Перетрем.

До перестроенного из бывшего овощного магазина торгового комплекса идти было пару минут, и все это время, поглядывая на пустые провалы окон, остовы сгоревших автомобилей и маячившую на горизонте стену сосен, я

прокручивал в голове стычку с Круглым. Жора молча шагал рядом и с разговорами не лез. И лишь на подходе к «овощному» он толкнул меня в плечо:

— Ладно ты, не парься.

— Да никто и не парится, — вздохнул я. — Просто швырнули, как лоха...

— Забей...

Коробка торгового комплекса встретила нас выбитыми окнами и закопченными стенами, но мы на это неприглядное зрелище внимания обращать не стали и по давным-давно не работавшему эскалатору спустились в полутемный подвал. Внутри оказалось ничуть не лучше, но решивших пропустить здесь пару соточек водки выпивох грязный пол, темень и расшатанные столы смутить уже не могли. Да и не сыскать никакого другого питейного заведения поблизости. А на улице алкоголем злоупотреблять себе дороже. Бывали прецеденты нехорошие.

Кивнув приглядывавшему за порядком вышибале, я решил не проходить в глубь зала и уселся за стол неподалеку от входа. Набросивший куртку на спинку стула Жора присаживаться не стал и сразу отправился за выпивкой.

Народу в кабаке оказалось немного, знакомых не наблюдалось вовсе, но так даже лучше. Ни с кем общаться сейчас не хотелось. Пить, кстати, желания особого не было тоже. Слишком уж настроение паршивое. Мне б поспать — успокоиться...

Ладно, выслушаю, что Суворов предложит, а там видно будет. Вдруг чего денежного подгонит. Вряд ли, конечно, но мало ли...

— Чего скучаешь? — Жора подошел к столу с парой пластиковых стаканчиков в одной руке и бутылкой водки — в другой.

— Не скучаю, тебя жду.

Решив не тратить время впустую, я свернул пробку с бутылки, вот только Суворов вновь не стал садиться и опять куда-то убежал.

Я обернулся глянуть ему вслед, но Жора уже растворился в темноте. На освещение подвала хозяева кабака не тратились, и тусклые лампочки подслеповато моргали лишь в

двух местах: у зарешеченного окошка раздачи и в отведенной под сортир комнатухе. И вот там обесточить их уже не было никакой возможности: в первом случае возникали сложности с расчетами за выпивку и харчи; во втором — риск в темноте провалиться в вырубленные прямо в полу дыры и вовсе зашкаливал за все разумные пределы.

А в остальном — да, темно. Но тут смотреть-то особо и не на что. Бутылку и стаканы получается разглядеть, уже хорошо. В темноте даже лучше, на самом деле. Так вот пройдешься по городу, насмотришься на развалины, и на душе опять тоска смертная. А в темноте — будто все по-старому, словно и не было ничего такого. И живы все, просто отошли ненадолго, но вот-вот обратно появятся.

Тоска, блин...

— Так, думаю, оно веселее пойдет, — подмигнул мне вернувшийся наконец Жора и бухнул на стол жестяную банку с консервированной ветчиной и литровую бутылку с питьевой водой.

— Не то слово, — усмехнулся я, разливая по стаканчикам водку.

Хоть перекушу на халяву. Да и выпить не помешает, чего уж там. Может, хоть немного отпустит.

— Ты как вообще? — замахнув водки, шумно выдохнул Жора и открыл банку с ветчиной.

— Да нормально. Сам как?

Выпив сорокаградусной отравы, я плеснул в стакан воды и хотел уже откромсать кусок ветчины складным ножом, но вспомнил про собаку и потянул из ножен кинжал.

— Все так же. Работаю, — в свою очередь, не стал распространяться о личной жизни Суворов. — Платят нормально, так что не жалуясь.

— Хорошо тебе.

— Я могу поговорить...

— Не, мне свободный график нужен.

— Как знаешь.

Мы снова выпили и какое-то время сидели молча. Разговор не клеился. Не о чем нам было разговаривать. Слишком редко общались в последнее время. Не о погоде же тре-

паться, в самом-то деле. Да и водка пока еще по мозгам ударить не успела.

— наших видел кого? — прожевав кусок ветчины, спросил Жора.

— Не-а. Пропали все куда-то. — Я глянул на завалившуюся в подвал компанию и повернулся снова к Суворову: — Ты чего хотел-то? Не за жизнь ведь поболтать, так?

— Дело есть, — наклонился ко мне Жора и, понизив голос, спросил: — Храмова помнишь?

— Само собой, — кивнул я. — Только не говори, что он вернулся.

— Да с месяц уже. До последнего времени не светился просто.

— Федералы хвост прижали?

— Похоже на то. Но связи у него остались. — Суворов разлил водку и уставился на меня. — Интересует чуток лавэ срубить?

— Кого надо убить? — Я глянул на Жору поверх стакана.

— Почему сразу убить?

— А у Храмова других дел не бывает. Бомбист хренов.

— Вроде туристы ожидают. — Суворов выудил из банки последний кусок ветчины, облизнул пальцы и многозначительно добавил: — Сверху.

— Сверху? — Я откинулся на спинку стула и задумчиво покачался на задних ножках. — Сверху — это интересно.

— А то!

— Сам чего?

— Не могу, меня подменить некому, и Старик не отпустил.

— Ясенно. Значит, сразу к Храмову обращаться?

— Да, только не тяни. Он завтра последний день людей набирает.

— Где искать его?

Тянуть и в самом деле смысла не было. Чего там колебаться-то? Либо готов на дело подписаться, либо и не ходить никуда лучше.

— Да здесь недалеко. Хозблок университета знаешь? Который у них четвертым корпусом числился.

— Знаю.

— Завтра с самого утра туда подходи.
— Договорились.
— Еще, может, возьмем? — щелкнув по горлышку пустой бутылки, предложил Суворов без особого, впрочем, энтузиазма.

И сомнения его были вполне понятны: раз уж водка языки не развязала, можно и более подходящую компанию подыскать. Если бы не Храмов, Жоре и в голову не пришло бы меня выпивкой угощать. Хоть и знаем друг друга с детства, но слишком у нас теперь круги общения разные. Слишком — да...

— Не, хватит. Побегу, пожалуй.
— А чего так? — удивился Суворов.
— Да там дождь вроде собирался. Не хочется тут застрять, надо до дому валить.

— Ну, пошли тогда.
— Пошли.

Я вылил себе в стакан из бутылки остатки воды, в несколько глотков осушил его и замер, заметив мелькнувшее на освещенном пятачке у окошка раздачи белое пятно.

Да неужели?

— Ты чего? — дернул меня Жора.
— Слушай, мне тут с одним типком поговорить надо. — Я поднялся на ноги и выставил на стол поднятый с пола рюкзак. — Присмотришь за вещами минут пять?

— Не проблема. Давай недолго только.
— Я быстро. А лучше — подожди наверху.
— Ты чего задумал еще?

— Пять минут, — ничего не стал объяснять я и поспешил к уборной вслед за скрывшимся там пареньком в белой адидасовской мастерке.

— Мать твою! — выругался Суворов и принялся лихорадочно собирать шмотки. — Володя!

Я только ускорился и, заскочив в длинный темный коридор, поспешил вытащить из чехла на поясе нож. Разгоняя в себе лихую злость, ввалился в туалет и вполголоса пропел:

— «А в кабаках среди недели наши годы пролетели...»

Явственно вздрогнувший подельник Круглого лихора-

дочно одернул приспущенные спортивные штаны и резко обернулся.

— Стряхнуть, поди, забыл, — улыбнулся я и подкинул нож. Клинок крутнулся в воздухе, а мгновение спустя в ладонь впечаталась обтянутая кожей рукоять.

— Чё?! — набычился пацан и вдруг узнал меня. — Тебе мало, что ли?

— А сам как думаешь?

Я шагнул поближе и вновь подкинул нож.

— Ты чего, блин? Чё те надо?

Арматурину парень с собой в кабак не потащил и сейчас об этом, несомненно, сильно жалел.

— Пока не знаю. — Рукоять вновь мягко хлопнула по пальцам, и нож в который уже раз отправился в воздух. — То ли на куски тебя порезать, то ли просто перо в брюхо вогнуть да и обломать его там...

— Ты чего?! — Завороженно следивший за мелькавшим в воздухе клинком пацан невольно отодвинулся и уперся спиной в стену. О нехорошем свойстве металлопластиковых клинков ломаться в теле жертвы, расслаиваясь при этом на тончайшие волокна, парень был, вне всякого сомнения, наслышан. Все верно, это совсем не то металлопластик, что раньше...

— Заорешь, сразу горло перехвачу, — предупредил я.

— Не надо...

— Почему это?

— Тебя ж найдут! — с облегчением перевел дух самую малость расслабившийся парень. — Я тут не один, все видели...

— Да и в рот ногами, — криво ухмыльнулся я. — Вы ж меня на коробок «сахара» кинули. А когда ломка начинается...

— Стой! — в один миг взмок подручный Круглого, сообразив, с кем имеет дело. — У меня есть...

— Да ничего у тебя уже нет, — все так же монотонно подкидывая и ловя нож, хмыкнул я.

— Моя доля...

Принявшийся судорожно рыться в карманах спортивных штанов парень выудил оттуда запаянную целлофаном

вую обертку от пачки сигарет, внутри которой оказалось несколько крупных кристаллов «сахара».

— Дай сюда! — немедленно потребовал я и упер кончик лезвия бугаю под глаз.

— Не надо! — просипел тот.

— На меня кто навел?

— Не знаю! Это все Круглый!

— Кто?! — Клинок слегка дрогнул и рассек кожу. — Глаз выколю!

— Серега Зайцев...

— Ломанешься вдогонку, порешу.

Заструившаяся из пореза кровь потекла по щеке и начала пятнать белую мастерку изрядно струхнувшего парнишки, но одно дело слегка кого-нибудь порезать и совсем другое при свидетелях на себя жмура вешать. Так что пусть живет пока.

— Хорошо, — попытался отодвинуться парень, но его затылок и без того уже упирался в обшарпанную стену. — Убери нож...

Тут в коридоре послышались шаги шаркавшего впотмах человека, и я рванул на выход. Дело сделано, а поножовщину затевать себе дороже. Охрана долго разбираться не станет — и правым, и виноватым навешает. Потому как тишина должна быть в библиотеке...

Разминувшись в темном коридоре с каким-то покачивавшимся из стороны в сторону мужичком, я метнулся на выход и в один миг взлетел по ступенькам эскалатора наверх. Выхватил из рук переминавшегося с ноги на ногу Жоры рюкзак и, махнув ему на прощанье рукой, рванул мимо коробки недостроенного здания во дворы.

— Эй! — окликнул меня Суворов. — Володя!

— Пока! Увидимся! — на ходу крикнул я.

Если тут еще кто-нибудь из кодлы Круглого вертится, могут попробовать нагнать и опять в оборот взять. А значит, руки в ноги — и бегом. Пусть ищут ветра в поле. Теперь, конечно, по улицам с оглядкой ходить придется, но оно того стоило. В целлофанку никак не меньше четвертушки коробка запаяно.

И выходит, день таки удался. Четвертушка — это совсем

неплохо. А с Круглым еще выпадет шанс сквитаться. Земля круглая. Как-то так.

Немного сбавить темп я решил, только миновав тот самый хозблок, где должен был обретаться Юра Храмов. Но сейчас мне было не до него, и, подбежав к обочине, я лихорадочно заозирался по сторонам. Не заметив ничего подозрительного, метнулся через проезжую часть. Там, прокашлявшись, обогнул развалины взорванной девятиэтажки и уже спокойно зашагал по направлению к реке.

И хоть в боку противно кололо, а сбившееся дыхание никак не желало успокаиваться, но останавливаться и переводить дух я не стал. И не в отморозках уже было дело: никто из этой братии к реке в здравом уме и близко не сунется. Нет — беспокоило небо. Темно-серое, затянутое низкими облаками небо.

У нас тут, конечно, триста шестьдесят дней в году пасмурно, но очень похоже, что с минуты на минуту дождь зарядит. А дождь — это ничего хорошего. Не хотелось бы в развалинах укрытие искать. Домой, домой надо...

Но — обошлось. Пока добирался до перекрытого сгоревшими грузовиками прохода между девятиэтажками, даже не капнуло.

Опустившись на корячки, я пролез под днищем мусоровоза, а очутившись на той стороне, выпрямился и на всякий случай помахал рукой в сторону двух кирпичных свечек, соединенных протянувшимся между ними пристроем:

— Свои!

Ответа дожидаться не стал и поспешил дальше, но во дворе меня тормознул сидевший на скамейке парень:

— Володя!

— Да?

— Обожди, с тобой Шилов поговорить хотел.

— Он где? — обреченно вздохнул я, сообразив, что отвертеться от встречи с одним из главарей контролировавшей ближайшие дома бригады нет никакой возможности.

— Сейчас выйдет. — Охранник пронзительно свистнул и хлопнул по скамейке: — Падай.

— Свежо сегодня, — поморщился я, но к совету прислушался и уселся рядом.

— Сентябрь, — глубокомысленно заметил парень, поживив на колени автомат.

— И все же... — поежился я и вскочил на ноги, заметив появившегося из подъезда мужчину средних лет в темно-синем спортивном костюме и армейских ботинках.

Внешне Шилов никакого впечатления не производил. Невысокий, с туго обтянутым мастеркой животиком и спокойными движениями никуда не спешащего человека, он выглядел словно завсегдатай пивнушки или отпахавший смену автослесарь, и потому многие оказывались неспособны воспринимать этого дядечку всерьез.

Большая ошибка. Для некоторых — фатальная.

— На минуту, Володя. — Достав сигарету, Шилов выкинул в мусорку опустевшую пачку.

— Здравствуйте, Борис Петрович, — поздоровался я. — Случилось чего?

— Да нет, — лениво огляделся по сторонам Шилов, потом смерил меня внимательным взглядом и спросил: — Храмов, говорят, вернулся?

— Говорят, — кивнул я.

— Не общался с ним?

— Пока нет.

— Планируешь?

— Завтра с утра думал заглянуть, — честно признался я, не понимая, к чему этот допрос.

— Будь добр, передай Юре, что если из-за него возникнут проблемы со зверями, мы этому рады не будем. Он перекати-поле — сегодня тут, завтра там, а нам здесь жить.

— Сами чего к нему на огонек не заглянете? — поморщился я и сглотнул, когда собеседник выпустил в мою сторону длинную струю дыма.

— С политическими лучше напрямую не общаться. Никто же не будет разбираться, предупреждаешь ты их или дела ведешь, — пожал плечами Шилов и поправил кобуру на поясе. — Ну, так мы договорились?

— Договорились, — вздохнул я, прекрасно поняв не прозвучавший напрямую намек. — Еще что?

— Да нет, больше ничего, — покачал головой Борис Петрович и выкинул окурок в урну. — Слышно что нового?

— Говорят, по Комсомольскому машины ездили.

— Учтем, — кивнул Шилов и уточнил: — Значит, завтра с утра?

— Как проснусь, — кивнул я. — Так я пойду?

— Иди, иди...

Ну я и пошел, едва сдержавшись, чтобы озадаченно не почесать затылок. Чего-то Шилов сегодня конкретно не в духе. И не просто не в духе — шибко уж нехорошие намеки он себе позволил. Очень, очень нехорошие...

Еще и ветер этот! Холодно, блин...

Перекрывая проезд между домами, к соседней девятиэтажке уходили вкопанные в землю бетонные блоки, меж которых протянулись мотки колючей проволоки. Для людей и машин — лучше не придумаешь, а вот дувший с реки ветер легко пронизывал это препятствие и, будто задавшись целью доставить мне как можно больше неприятностей, забирался под куртку и выгонял оттуда последние крохи тепла.

В очередной раз настороженно глянув на быстро темнеющее небо, я прибавил шагу, миновал двор многоподъездного жилого дома, выстроенного вдоль идущей по берегу реки дороги, и оказался перед близнецами оставшихся позади высоток.

Точнее, почти близнецами: в дальней свечке осталось только восемь этажей из четырнадцати. Остальные разметало прямое попадание «карапуза», и этот прискорбный факт отравлял жизнь всем местным обитателям: налетавшие с реки порывы ветра время от времени сбрасывали во двор обломки кирпича и прочий не менее увесистый хлам.

Быстро миновав сооруженный из мотков «егозы» лабиринт, перекрывавший проход между домами, я нырнул под балкон и отодвинул в сторону прислоненный к стене лист ржавого железа. Потом отпер дверь, закрывавшую расширенное до более-менее сносных размеров окошко, забрался через него в подвал и с облегчением перевел дух.

Наконец-то дома!

Но тут вновь вспомнились намеки Шилова, и настрое-

ние моментально скисло, будто постоявшее на жаре молоко. Если придется съезжать, проще сразу удавиться, потому как все нормальные места давным-давно заняты. Или за крышу такую цену ломают, что хоть стой, хоть падай. А платить нечем, это с Шиловым по старой памяти договориться получается, с остальными такой номер не пройдет.

Пробравшись в темноте через тесную каморку, я вслепую нашарил ключом замочную скважину и отпер вторую дверь. Закрыв ее за собой уже на засов и, касаясь ладонью шершавого кирпича стен, осторожно зашагал по коридору.

Вскоре глаза уловили полоску света, и, больше не опасаясь расшибить в темноте лоб, я ускорил шаг. Толкнул слегка приоткрытую дверь и заглянул в просторную комнату, освещенную лишь непривычно тусклым сиянием энергосберегающей лампы, висевшей над установленным в углу верстаком.

— Зрение решил испортить? — нахмурился я. — Вторую ключи.

— Электричество экономлю, — даже не обернулся ко мне затачивавший какую-то железяку худощавый парень в пуховике. Одной рукой он крутил ручку шлифовальной машины, другой подносил к абразивному кругу тонкую полосу желтоватого металла, из-под которой моментально начинали сыпаться яркие искры. — Знаешь, сколько с нас за него дерут?

— Я — знаю. Включи.

— Да перегорела она просто.

— Запасную не судьба взять? — тяжело вздохнул я. — А, Стас?

— Некогда мне, — мотнул головой парень. — Заказ горит.

— Что-то срочное?

— Пацаны с «Родничка» озадачили.

— Опять собак отстреливать собираются, а патроны тратить жаба давит?

— Ну да. Полсотни наконечников сразу берут.

— Неплохо. Тебе заготовок-то хватит?

— Хватит пока. — Стас отложил готовый наконечник и

покрутил головой из стороны в сторону, разминая занемевшую шею. — Главное, чтобы точильный круг выдержал.

— А что такое?

— Да металл плохо поддается. Если попадутся, притащи еще камней.

— Хорошо.

— Сходил как?

— Замечательно просто.

Я кинул рюкзак на пол и повалился на продавленный диван с торчащими из-под обшарпанной обивки пружинами.

— И чем похвастаться можешь? — На отличавшемся резкими чертами лице Стаса впервые появилось что-то отдаленно напоминавшее интерес. И даже из запавших карих глаз на время исчезла вечная апатия. — Неужели что-то стоящее нашел?

— Стоящее — это не то слово! Блок управления «карапузом» за коробок «сахара» Старик у сдал.

— Да ты чё? — моментально позабыл про наконечники парень.

— Ага. Только по дороге домой меня Круглый отоварил.

— Ну, ты и лошара! — вздохнул мой приятель и запустил пальцы в давно не стриженные лохмы волос. — Целый коробок!

— Но четвертину обратно я потом отыграл....

— Красавчик! — Стас подкатил ко мне инвалидное кресло и протянул руку. — Давай!

— Только сразу все не скумарь, — предупредил я, передавая ему пакетик с дурью. — Это тебе на месяц.

— Базара нет, братка! — Парень спрятал «сахар» в карман пуховика и откатился обратно к верстаку. — Респект тебе и уважуха!

Я только покачал головой, достал из верхнего ящика шкафа лампочку и, ввернув ее взамен сгоревшей, потащился к себе. Там задумчиво уставился на стену, обклеенную фотообоями с изображением горного озера, вспомнил все сегодняшние злоключения и вдруг осознал, что жутко, просто до скрежета зубовного, зол. И не на кого-нибудь, а на себя самого.

Это ж надо было так подставиться! Это ж надо было!